

МУРКО
МУРЧЕНКО

ДЕВЯТЬ
ЖИЗНЕЙ КОТА
ПО ИМЕНИ
ШЕВА

16+

Мурко Мурченко
Девять жизней кота
по имени Шева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42160343

SelfPub; 2019

Аннотация

Если вы читаете эти строки, то меня уже нет на этом свете.
Хочу поведать вам о моей кошачьей жизни и чем она приметна.

Содержание

Жизнь номер один. Первый день вдали от родного дома	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Жизнь номер один. Первый день вдали от родного дома

Мне хочется кричать долго и громко от ужаса при виде такого огромного количества двуногих, открытого пространства, движущих объектов – быстрых и не очень. Чувствую себя прямо-таки букашкой, которую кто-нибудь да раздавит, не моргнув глазом! Но хуже всего – это непрекращающаяся какофония из громких и протяжных звуков, бивших по черепной коробке. Мои уши подрагивают, мне хочется закрыть их, чтобы не быть оглушаемым этим каждый миг. После спокойной домашней обстановки под матушкиным крылом открывшийся неведомый доселе мир олицетворял все круги ада.

Только подумать! Ещё утром я таскался за братишкой, как угорелый. Он со своей светлой рыжей шерстью напоминал солнышко, которое спустилось с неба в квартиру всем на радость. Мы с ним дурачились во все возможные игры, которые мы могли придумать с нашей небогатой фантазией. Затем, вдоволь наигравшись, мы бежали к нашей маме, которая нас вылизывала как можно более тщательно. Я, приложившись к ней, невольно засыпал. И так было день за днём. В моей жизни всё было прекрасно. Достаточно прекрасно, чтобы лишить меня всего этого.

Но потом хозяин взял меня в руки, когда я едва очнулся от внезапной дремоты под мягким тёплым боком матушки. И я даже не подозревал в эту минуту, что меня больше не будет рядом с ней. Мама тоже не подаёт виду, что её побеспокоил внезапный порыв хозяина взять меня. Он мне что-то говорит, но я ничегошеньки не понимаю; его болтовня совершенно не вызывала даже доли интереса. Но точнее хотел, чтобы он отпустил меня на пол, где снова бежал выпавшийся братишка с вытаращенными глазами, напоминавшие пять копеек. Чем богаты, как говорится.

Я не успел моргнуть своими очаровательными глазками, как двуногий понёс меня, прижав к своей чересчур ароматной широкой груди, от чего мой нос щекотало всю дорогу. Я хотел было вывернуться из его объятий, но они были слишком крепки как для меня, беззащитного крошки.

Мы оказываемся в другом помещении, где мне не доводилось бывать раньше. Двери, лестницы, окна – совершенно скучное зрелище. За закрытой входной дверью раздалось жалобное мяуканье. Я закричал в ответ, потому что это был голос моей матушки. Как оказалось, это был последний наш разговор. Больше нам не суждено было увидеться, но это я слишком опережаю события, прошу прощения.

На этом открытия не закончились. Впервые я вдохнул уличного воздуха, полного пыли, автомобильных выхлопов, мусора и всего подобного, имевшего удушливый запах, и на фоне этого грудь двуногого оказалась не такой уж и непри-

ятной. Где-то рядом залаяла собака, и моё сердце невольно забилося, как свободолюбивая птичка – о прутья клетки. Я зарылся мордочкой в жёсткую ткань рубашки на груди, и только так я благополучно пережил внезапное путешествие туда, куда я вообще не думал собираться. Мы попали в очень шумное место, где много двуногих сбивалось плотно в одну кучу, и иногда кому-то требовалось протиснуться, и это была такая катастрофа. Я думал, что от меня не останется и мокрого места. За окном очень быстро пронеслись высокие здания, деревья, постепенно оголявшиеся от листвы, люди, машины. От подобного зрелища мне приходилось зажмуриваться, чтобы не чувствовать наступающего головокружения. И дышать было трудно. Двуногие не могли спокойно стоять. Крики, толчки, тяжёлый шлейф дешёвых и щедро налитых на тела духов. Моей радости не было предела, когда мой двуногий соизволил выскочить из этого дурдома на колёсах. Знать бы, что он вообще задумал! Я не мог представить, куда он меня несёт. Я цепляюсь изо всех сил в рукава его кофты, чтобы наверняка.

Наконец-то он подходит к какому-то серому зданию. О, здесь немного тихо, и мои уши с удовольствием слушают далёкие мяуканья незнакомых котов. Над головой, которую солнце пригрело мягкими тёплыми лучами, пролетают пара больших птичек. Они достаточно заняли мой пытливым ум, чтобы я не заметил, как оказался в другой квартире.

Она оказалась совершенно не такой, что я ожидал. Я рас-

считывал, что меня просто потаскают зачем-то, а потом я буду снова лежать возле мамочки, которая будет умыть не только братишку. Узкий тёмный коридор, по одну сторону – небольшая комната, именуемая туалетом, по другую – большая комната, где стояли два дивана, стол и ещё куча непонятных вещей. И последнее: в конце коридоре была ещё одна дверь, которая вела в небольшую кухню, ярко освещаемую солнцем. И никакого следа пребывания котов. Это, понятное дело, не могло не насторожить. Зачем я здесь? Мне и так не было весело, но теперь я совсем приуныл вопреки своей жизнерадостной натуре.

Меня зачем-то сразу же поднесли к спящей двуногой. Я не понимая, что и зачем, в панике начинаю вертеться и кричать. И вот соня (утро уже заканчивалось) открывает свои глаза в полном недоумении.

– Оля, смотри, к тебе котёнок пришел. – Сказал кто-то из двуногих; я, если честно, не обращал внимание то, чьи именно были эти слова. Но я точно не приходил!

Некая «Оля» бережно взяла меня из рук моего двуногого, и это окончательно выбивает меня из колеи. Чужая квартира, чужая двуногая... Приятного было мало. Она с заметным интересом осматривает меня, как шляпу – на рынке. Хоть она шептала и старалась не напугать меня, всё равно впечатление от неё сложилось не самое лучшее. Слишком шумно дышит, неуклюжая поди, и при обращении к ней у всех заметно повышается голос. Вообще, в этот момент я очень хо-

тел оказаться в объятиях своей мамы. Играть там, где вырос. Делить с братом игрушки и вкусненькое. Моё сердце словно было готово разорваться на мелкие кусочки. Я верчу мордой во все стороны, высматривая что-то приятное, но увы.

Потискав меня от души (ох и несладко мне пришлось!), она отпустила меня на пол. К тому времени мой двуногий уже покинул квартиру, и я с грустью глядел на окружающую обстановку. Всё в ней было чужое и неудобное. Я прошёл немного туда-сюда. И мой взор падает на диван. Точнее, не на него, а на пустующее место под ним. Я могу оправдаться тем, что мной двигал страх и желание высказать чёткое «Нет» этому дому. Эта Оля бросается за мной и не успевает поймать. До меня нельзя дотянуться и она с досадой наблюдает за мной, стоя на четвереньках. Того и требовала моя душа, жаждущая бросить вызов всему и вся.

– Оу, а здесь тоже ничего! – подумал я, принявшись к молоку в блюдечке. До этого меня пытались вытащить из-под разложенного дивана под любыми предлогами. И только жажда спутала мои карты! Как же это страшно! Ещё утром я ластился к любимой маме, а теперь меня окружают два высоких и очень шумных существа. Не то чтобы мне такие никогда не попадались. Нет, прежние такие же: высокие, шумные, непредсказуемые. То они хватают тебя, когда ты бежишь за вертлявым хвостиком брата, то болтают всякую чушь в ушко. Довольно странные создания, не то что мы – коты. Правда, ведь вы когда-нибудь видели, чтобы коты хватали людей,

чтобы дышать им прямо в лицо, приговаривая всякие глупости? Вот то и оно. Просто те двое для меня представляют новую загадку: что они имеют себе на уме?

Вот вволю отпив вкусного молочка до последней капли, я не был дураком, упавшим с неба: полез опять под диван, пока одно двуногое убирало блюдечко с остатками. Другое занималось чем-то своим, не обращая на меня внимание. После чего опять пытаются меня вытащить наружу, но черта с два! Может меня наконец-то вернут к маме? Эх, мамуля... Как же мне тебя не хватает!

Пока я сижу в укромном тёмном углу, откуда меня никому не достать, поведаю вам, что представляю собой. Так, размером я невелик: помещаюсь спокойно на ладони самого меньшого из двуногих существ в этом жутком месте. Страшно там, кстати, находиться. Смотрят на тебя в упор, дышат громко, а уж как только рот открывается!... Удивительно, что меня не съели. Ой, опять отвлёкся со своими страхами! Месяца мне два от роду, не больше. Шёрстка у меня густая и серая с чёрными полосками, иногда плавно попадаются цвета посветлее. Нос рыжеватый, а глазки – серо-зеленые и прямо-таки широко распахнутые блюдца. И хвост, конечно, имеется! А усищи-то какие! Наверное, когда я вырасту, то они будут два метра в длину! Скажите, я красавчик? А хотя можете и отмолчаться – уж я-то знаю, что да. Что-то глазки закрываются... До чего же утомительна роль рассказчика!

Когда я соизволил вернуться в мир наяву, в комнате со-

бралось ещё несколько двуногих. Голоса у ниже не такие высокие, и они заметно выше, хотя куда уже. Никто из них не лез ко мне под диван. Даже некая «Оля» не держала караул, как прежде. Я встал и вытянулся дугой. Зеваю так, что чуть не сломал челюсти. Сомкнул и разомкнул веки. Затем сажусь и гляжу в отрезок, где маячат несколько пар ног. Меня совершенно не тянуло туда, мало ли затопчут такое сокровище. Пока что за мной не водится желание свести счёты со своей жизнью подобным образом. Вот посидел так минут пять, десять, пятнадцать. А дальше что? После стольких дней, наполненных беззаботным весельем и играми – подобное пассивное времяпровождение не было ничем иным, как сущим наказанием. Мне требовалось размять свои косточки, подкрепиться и всё такое, что я делал ежедневно. Неужели мне суждено так сидеть и спать, не видя белого мира? В очередной раз за день я вспомнил о моей пушистой семье. Как же мне их не хватало... Может, случится чудо, и я снова окажусь дома? Однако я с огорчением убеждался, что только зря раскатываю губу. Реальнее сорвать джекпот в миллион долларов!

Из открытой двери балкона дул прохладный ветер, но едва долетал до меня. Я огляделся вокруг себя. Пыльно, темно и неуютно. Неужели я должен здесь просидеть до окончания веков? Чем я заслужил такую кару? За то, что разодрал кресло? Но я же не то чтобы специально. Мой братишка тоже промышляет мелким хулиганством, но его оставили

с мамой. Решительно не понимаю, что да как бывает в этом ошеломляющем мире.

Пока меня донимали невесёлые мысли, в комнате опустело. Я бы не вылезал из своего укрытия, но желудок настойчиво требовал пищи, а здесь её нельзя добыть. Вот и представившаяся возможность, чем я и пользуюсь. Я очень осторожно выползаю наружу. Откуда-то сверху пахнет едой, но я очень туго соображал. Сказывался переносимый стресс. В последний раз, когда я высовывал нос, комнату озаряло солнечным светом. А теперь – лампа на потолке, и ещё и телевизор что-то вещал. Меня сбивал с толку страх, что вот-вот появятся двуногие. Пока я ползком пробирался по ковру, рядом оказалась Оля.

– Вылез наконец-то! Ты должен поесть.

– Отпусти меня, сейчас же! – кричу я, но она, глупая, лишь улыбается и несёт на кухню. Там даёт мне что-то пожевать. Я от голода решил не привередничать и попробовал. И не заметил, как всё съел. Внутри меня перестало урчать, и я испытал прекрасное чувство сытости. Что ж теперь можно бежать обратно под диван, пока не вернулись остальные! Но, увы, на этот раз мне не удаётся претворить в жизнь столь дерзкий план побега.

– Ну может, хватит просиживать под диваном? Никто тебя не обидит.

И меня укладывают на тот самый диван. Я полон растерянности: всё такое огромное и незнакомое. Я не был готов к

такому. Мои попытки прыгнуть вниз заканчиваются крахом: мой путь преграждают, куда бы я не бежал.

Ой, что-то я тут же наделал шалостей: сказалось выпитое молоко. Двуногая твердит, что так делать нельзя. Вы глядите! Могла бы сама догадаться, что мне требуется туалет, а она тупо держит в плену. Она берет меня в одну руку и направляется в туалет, где я ещё не был. Так, ничего особенного. Она отрывает кое-как бумагу и идёт вытирать следы моего преступления. Было видно, что её я не порадовал этим. И в этот момент я было решил, что может поэтому меня вернуть маме. Новая мысль приободрила так, что я начинал расставаться со страхом перед Олей.

Затем она взяла меня с собой спать, положив чуть ли перед самым носом. Эти огромные ноздри так шумно вдыхают и выдыхают воздух... Ох, то ещё испытание. Лежишь себе и думаешь, а не придавит тебя этим огромным телом? Иногда я покрикиваю, чтобы случайно не получить на своё прекрасное тельце тяжёлую ногу. Беспокойная ночь выдалась: я почти не сомкнул глаз. Сказал бы кто-нибудь тогда мне, что вскоре я сам буду прыгать на Олю – поднял бы на смех.

Проходит неделя, как меня сюда притащили, не спросив моего мнения. Квартира тесная, из-за чего мне не удавалось разбежаться в полной мере. Везде эти стены и куча мебели, которую нельзя портить бла-бла-бла. Удивительно, но, несмотря на это, здесь я чувствую себя так же хорошо, как

и в прошлом доме. Да, мне по-прежнему не хватает мамы и братишки. Но мне и здесь неплохо. Правда, мне приходится развлекать себя самому. Зато теперь эти двуногие меня уже не пугают, даже, наоборот, присматриваюсь к ним. Например, Галя – самая старшая в доме. Она старалась со мной играть, но как-то вяло. Мне казалось, что она не привыкла ко мне. Верхом её гостеприимства была прилежная кормёжка, в которую входили продукты не совсем привычные моему вечно урчащему желудку, но вкусными. Да и это было взаимно: для меня она тоже представляла собой непрочитанную книгу. Всё же я решил тогда, что она – истинная хозяйка, и никто другой. Была ещё пара двуногих, но они меня не сильно интересовали. И затем среди них выделялась самая младшая, имя которой – Оля. Вот именно она куда-то пропала на следующий день после моего появления, и я был несколько обескуражен. Потому что накануне только она проявляла ко мне самое пристальное внимание. Представьте, себе, каково такому малышу, как я, оказаться один на один с новыми условиями. Оля где-то была несколько дней, да и Галя иногда отлучалась, оставляя меня одного среди унылых стен. Так что во время отсутствия кого-либо я спал сном младенца. Царь Соломон гордился бы мной.

И вот Оля вернулась не в самом лучшем расположении духа. К её возвращению я прилично освоился в новом жилище. Правда, на следующий день после её возвращения в квартиру занесли несколько предметов. Одними из них были

кресла, на которых мне будет суждено сладко отлёживаться.

На радостях я стал скакать по квартире, словно ужаленный целым роем жужжащих крылатых. Я до и до этого так делал, но при виде Оли что-то мне подсказывало, что не стоит валяться целыми днями, аки столетний дед. Однако с её стороны чувствовалась отчуждённость. Вечно из её носа капает, а ещё она постоянно включает телевизор. Очень странная штука. Там что-то движется и шумит, но только в коробке. Вот она туда постоянно смотрит, не уделяя мне достаточно внимания. Я уже говорил, что двуногие – странные создания? По прошествию времени она соблаговолила уделять мне больше внимания. Она никогда не гоняла меня с кровати, охотно угощала съедобным, игралась. А большего мне и не требовалось. С тех пор я убедился, что хоть она для меня не авторитет, но всегда могу рассчитывать на её защиту и опеку.

К её возвращению мне дали имя Шева, в честь кого-то там, кто мячи гоняет по траве за миллионные гонорары. Странное такое чувство. Для мамы и брат ты был таким себе безмянным, а тут надо чтобы как-то звали. Но в общем-то мне было всё равно, не псина сутулая и то хорошо. Но надо заметить, что звать меня чаще будут как угодно, но не Шевой. Эта кличка чисто для формальности.

Короче, тоска по бывшему дому потихоньку покидала моё сердечко. Кормят, кто-то играет, и вовсе не так страшно, как я себе представлял в первый день. Галя – мама Оли, и

тоже не такой страшный человек, хоть и несколько грозный. Именно она обеспечивает меня едой. Хоть не всегда такой, как мне хочется, но и ладно.

Правда, ещё меня иногда ругают за то, что я писаю не туда. Эх, я же не специально, то получается само собой. Вот сидишь себе или лежишь, и бац, приспичит так, что мама не горюй! А потом выслушиваю поток ругательств в свой адрес.

В попытке произвести на этих больших существ хорошее впечатление, я ещё на второй день решил сходить на миску, куда нарвали газетных листов. Стояла она сбоку ванны сразу у двери. В моей крошечной головушке оказалось достаточно извилин, чтобы понять, что да как. Вроде им понравилось, говорят, что я – удивительный кот, раз не требую какой-то там песок. А то! Я ещё и на дудке играть могу! Шутка, конечно же. У меня же лапки. Я разве что могу гонять её при наличии желания, но это же не одно и то же?

Помните, я говорил о миске, куда я хожу по-маленькому? Если нет, то читайте предыдущий абзац. Короче, прошло два месяца. Мне так и продолжали рвать газеты, которые я удачно разметал по всему туалету. За что выслушивал в свой адрес, что надо быть куда аккуратнее. Ой, всех и вся слушать – так скоро с ума сойдёшь. Но больше мне доставалось за порчу кресел. Спал себе такой, затем встаю и того, не отходя от места... Что я не слушал в свой адрес. Но это было выше меня. Да, это по-прежнему случается. Двунogie дума-

ют, что я так шкодничаяю. Но оно само получается, жаль, что они этого никак не хотят понять. Так и учимся уживаться друг с другом. О прошлом доме я почти не вспоминаю. Теперь у меня другая мама, правда, довольно глупая и странная. Это, если вы ещё не догадались, Оля. Именно возле неё я мог чувствовать покой, хотя ей совершенно не нравились мои хулиганские, на её взгляд, проделки. Но зато было видно, что меня любит.

Не опять, а снова я заболтался. В гости зашёл мой прежний двуногий. Я по-прежнему таил на него сильную обиду за то, что он обрёк меня на жизнь без мамы. Я бегал рядом и делал вид, что не замечаю его. Мало ли кто ходит тут; эта квартира просто проходной двор, и я нисколько не преувеличиваю. Вот в этом не было столь сложного – игра, которую я вёл сам с собой, действительно, увлекала с головой. Иногда и Оля присоединялась ко мне в развлечениях, вода верёвкой то туда, то обратно. Её кончик взбудораживал мою кровь в жилах, и я с удовольствием гонялся за ним.

Двуногий сидел довольно долго, болтая с Галей о всякой ерунде. И затем, знаете что? Ни за что не угадаете, клянусь своими усами! Он встаёт, идёт в туалет к моей миске. Я от такой наглости поплёлся сзади. Мало ли что ему вздумается, так что быть начеку – одна из моих священных обязанностей. Он снимает свою рубашку и кладёт её прямиком в миску. Я тарашусь со стороны при виде этого неожиданного безобразия. Он любовно смотрит на миску, словно только что сбы-

лась его мечта. Что касается меня, то я воспринял это как вызов: я подошёл к бортикам (тогда они были для меня слишком высоки), принялся... О, да! Запрыгиваю внутрь, царапаю бортики и усаживаюсь, нисколько не смущаясь. Моя великолепная мордочка очень сосредоточена, будто я решаю судьбу всего человечества. Рубашка с жадностью впитывает собранное во мне добро в виде выпитой за день воды и молока. Встаю, осматриваю результат своих утомительных трудов. Огромное пятно изрядно потешило моё самолюбие. Немного снова поработать коготками по бортикам, и можно выпрыгивать. Однако мой бывший двуногий нисколько не расстроился, когда я от души «излил душу» прямо на его глазах. Он тут же ушёл, гордый своими никому не понятным поступком. Даже мне стало ясно, что более странного поведения не каждый день увидишь. Галя очень долго хохотала с этого чудного зрелища. А ещё дольше рассказывала об этом каждому второму встречному, если не первому. И Оля, не видевшая тогда сей картины, тоже разделяла с ней веселье. На ту рубашку я ходил ещё несколько раз, а потом давал понять, что её время истекло. Она и так не могла похвастаться чистотой, а уже после моих дел – тем более. Пахла и не успевала высухаться – так себе удовольствие мочиться на неё. Но вместо неё требовалось положить что-то другое. Её убрали, и миска осталась пустой ввиду того, что не нашлось замены. В расторопности моим двуногим не откажешь, что уж. Хоть я никогда не ходил на пустой лоток, но слышать гневные ре-

плики по поводу луж мимо лотка мне совершенно не желалось. И я сел так, решив, что ничего страшного не произойдёт. Да, никаких клочков газет, ни песка, ни даже тряпки. Нельзя сказать, что меня переполняло чувство дискомфорта. Разве что намочил задние лапы и кончик хвоста. После по традиции царапаю бортики и выскакиваю прочь. За мной на полу остаются заметные следы от задних лап. Когда двуногие увидели, что случилось, долго приходили в себя от изумления. Их медлительность привела к тому, что они убедились, что я не нуждаюсь в наполнителях, ни тем более в клочках газет и тряпках. И с тех пор моя миска всегда зияла пустотой, в ожидании моих «дел». Хоть и меня смущали мокрые лапы и следы после них, но было приятно думать, что двуногие восторгаются моим умом. И так же не радовались, ступая на мокрый участок ковра в комнате. Так мы и жили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.